

О реализации правоохранительной функции государства в уголовном процессе

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, директор Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: svetlana-vershinina@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3501-3632>

Поступила в редакцию 24.01.2025

Пересмотрена 25.02.2025

Принята к публикации 27.02.2025

Аннотация: В статье представлено авторское видение организации сбалансированного досудебного производства на основе функционального разграничения деятельности государственно-властных субъектов, обеспечивающих исполнение публично-правовых обязанностей государства в уголовном процессе. Анализируя деятельность органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД), органов предварительного расследования и прокурора в досудебном производстве, автор исходит из направленности их деятельности на обеспечение интересов государства в борьбе с преступностью при использовании различных форм государственно-властной деятельности – раскрытия преступлений, расследования преступлений и уголовного преследования виновных лиц. Взаимодействие государственных органов по раскрытию и расследованию преступлений и их общая нацеленность на установление обстоятельств совершенного деяния позволили критически оценить действующие нормы УПК РФ, исключая ОРД и ее результаты из предмета уголовно-процессуального регулирования, и обосновать вывод о целесообразности объединения этих видов деятельности в одной уголовно-процессуальной функции – функции раскрытия и расследования. Отсутствие правового регулирования деятельности прокурора по осуществлению уголовного преследования в досудебном производстве и отсутствие правовых норм, регламентирующих порядок формирования и выдвижения государственного обвинения, позволили обосновать вывод о необходимости функционального обособления уголовного преследования в качестве самостоятельного направления деятельности – функции уголовного преследования. На основании полученных результатов предложена правовая модель реализации правоохранительных уголовно-процессуальных функций в досудебном производстве, включающая: 1) функцию раскрытия и расследования преступлений, объединяющую два вида государственно-властной деятельности – раскрытие преступлений органами, осуществляющими ОРД, и расследование преступлений органами предварительного расследования, при руководящей роли последних; 2) функцию уголовного преследования, осуществляемую прокурором посредством формирования и выдвижения государственного обвинения и последующего инициирования судебного разбирательства по уголовному делу. На основе представленной классификации правоохранительных функций уголовно-процессуальной деятельности делается вывод о необходимости законодательного переструктурирования досудебной части уголовного процесса.

Ключевые слова: правоохранительная функция государства; правоохранительные уголовно-процессуальные функции; оперативно-розыскная деятельность; непроцессуальная деятельность; процессуальная деятельность; раскрытие и расследование преступлений; расследование преступлений; уголовное преследование.

Для цитирования: Вершинина С.И. О реализации правоохранительной функции государства в уголовном процессе // Jus strictum. 2025. № 1. С. 7–13. DOI: 10.18323/3034-2945-2025-1-60-1.

ВВЕДЕНИЕ

В российской уголовно-процессуальной науке не ставится под сомнение тезис о необходимости обеспечения в уголовном судопроизводстве баланса публичных и частных интересов [1; 2]. В данном аспекте баланс судопроизводства понимается как уравновешенность интересов отдельного человека, как правило, обвиняемого по уголовному делу, и интересов государства и общества. Вместе с тем, если исходить из первичности публично-правовой природы российского уголовного процесса и рассматривать уголовный процесс как учреждаемую государством социально-правовую институционально-функциональную систему, направленную на достижение целей уголовного правосудия, то очевидно, что такая система также нуждается в уравновешивании составляющих ее публично-правовых частей и элементов. Учитывая, что достижение целей судопроизводства – это результат деятельности раз-

личных органов государственной власти и их должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, т. е. осуществляющих различные уголовно-процессуальные функции, то логично данные функции рассматривать в качестве основных элементов системы публичного уголовного судопроизводства, обуславливающих устойчивость, целостность и самодостаточность уголовного процесса как системы. В этой связи тезис о балансе уголовно-процессуальных публично-правовых функций вызывает несомненный интерес.

Анализируя действующий УПК РФ относительно согласованности правовых предписаний и их достаточности для формирования институционально-функциональной структуры уголовного процесса в части юридического оформления уголовно-процессуальных функций, приходим к однозначному выводу о ее разбалансированности, о наличии явных дефектов в публично-правовой

основе уголовного процесса, особенно остро проявляющихся в досудебной части уголовного производства, а именно: отсутствия четко обозначенных направлений деятельности и целей должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу; неопределенности их роли и места в системе уголовного судопроизводства; дублировании процессуальных полномочий; отсутствия правовой регламентации уголовного преследования и т. д. Как верно отметил С.Б. Россинский, произошла разбалансировка процессуальных функций органов предварительного расследования, прокурора и суда, утратились разумное соотношение их полномочий [3]. Одна из причин сложившейся ситуации в том, что действующий УПК РФ «структурирован в полном соответствии с давно устаревшей моделью смешанного типа уголовного судопроизводства» [4, с. 37], при этом «требованию состоятельности судопроизводства придали максимально широкое значение, охватывающее не только судебные, но и досудебные стадии уголовного процесса» [5, с. 132].

Поддерживая данные утверждения, полагаем, что есть и другая, не менее значимая причина, заключающаяся в игнорировании взаимосвязи уголовно-процессуальных функций в досудебном производстве и публично-правовых обязанностей государства по обеспечению правопорядка, предупреждению и пресечению преступлений, наказанию лиц, совершивших преступления. Указанные публично-правовые обязанности получили законодательное признание в уголовно-процессуальном законодательстве еще во времена первой судебной реформы 1864 г. в качестве задач государства по изобличению и наказанию виновных¹. В УПК РСФСР 1960 г. они обозначены как задачи уголовного судопроизводства быстро и полно раскрывать преступления, изобличать виновных и обеспечивать правильное применение закона (ст. 2). Действующий же УПК РФ отказался от закрепления публично значимых обязанностей и задач, обозначив уголовное преследование и справедливое наказание как назначение уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 6), что вступает в противоречие с устоявшимся пониманием государственной правоохранительной функции по борьбе с преступностью [6–8], реализация которой осуществляется в том числе в сфере уголовного судопроизводства [9], посредством раскрытия и расследования преступлений, изобличения и наказания виновных лиц.

Значительная часть ученых, занимающихся данной проблематикой, уже высказались о необходимости существенного реформирования досудебной части уголовного процесса [10–12], предлагая различные варианты решения. Как мы полагаем, ключевым фактором совершенствования уголовного судопроизводства в его досудебной части должно стать устранение дублирования, противоречий и пробелов в правовой регламентации деятельности органов государственной власти по раскрытию преступлений, расследованию преступлений и уголовному преследованию виновных лиц посредством обозначения четких контуров осуществляемых ими уголовно-процессуальных функций, обеспечивая тем самым эффективность всего производства по уголовному делу.

Цель исследования – построение правовой модели досудебного уголовного производства, в основе которой лежит сбалансированная институционально-функциональная система государственных органов и должностных лиц, осуществляющих государственные обязанности по раскрытию и расследованию преступлений и уголовному преследованию.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основе исследования лежит дедукционный способ познания, предполагающий получение новых знаний посредством рассуждений от общего понятия к частному. Взяв в качестве общего объекта познания конституционные обязанности государства по раскрытию и расследованию преступлений и уголовному преследованию виновных лиц и подвергнув детальному анализу их гипотетическую реализацию, мы выявили существенные связи и обусловленности, присущие всем видам государственной правоохранительной деятельности, которые позволили критически оценить действующую систему организации уголовного судопроизводства в его досудебной части и построить оптимальную институционально-функциональную модель досудебного производства, способную обеспечить эффективное исполнение органами государственной власти возложенных на них полномочий, обеспечивая сбалансированность публично-правовой системы уголовно-процессуальной деятельности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Уголовно-процессуальные функции как результат дифференциации государственной правоохранительной функции по борьбе с преступностью

Государственные функции как «направления деятельности, которые должно осуществлять государство, чтобы решать стоящие перед ним задачи и достигать поставленных целей» [13, с. 89], осуществляются в различных сферах общественной жизни в форме регламентированных законами видов государственной деятельности, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Реализация правоохранительной функции как реакции государства на совершенное преступление происходит в соответствии с нормами уголовно-процессуального и иного законодательства, регламентирующего следующие виды государственной деятельности: раскрытие преступлений, расследование преступлений, уголовное преследование и наказание виновных лиц. Каждое направление деятельности, сохраняя правоохранительную сущность родового объекта, отличается от других видов по целям, задачам, содержанию и уполномоченным субъектам, а их осуществление в рамках производства по уголовному делу придает им уголовно-процессуальную значимость и позволяет рассматривать в качестве правоохранительных (государственно-властных) уголовно-процессуальных функций.

Обосновывая доктринальное определение уголовно-процессуальных функций, ученые традиционно исходят

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая // Классика российского права. «Консультант Плюс». URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/118/10.html#img11>.

из многозначности данного понятия² и в качестве критериев разграничения функций указывают разные факторы. В одних случаях критерием выступают задачи уголовного процесса [14] или деятельность компетентных органов, ведущих производство по уголовному делу [15], в других за основу берутся цели, достигаемые в производстве по уголовному делу [16]. Высказан и более широкий, так называемый «синтетический» подход, в котором процессуальные функции рассматриваются как направления деятельности участников процесса [17]. В современной теории уголовного процесса уголовно-процессуальные функции обусловлены содержанием принципа состязательности сторон, в связи с чем выделяют функции защиты, обвинения и разрешения уголовного дела. Учитывая, что данная концепция ориентирована прежде всего на организацию судебной деятельности, ее необоснованное «внедрение» в досудебное производство привело к неоправданному отождествлению понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» и в целом к отрицанию правоохранительной сущности уголовно-процессуальной деятельности в досудебном производстве. Соответственно, правовая регламентация полномочий органов расследования и прокурора не получила должного оформления как правоохранительных уголовно-процессуальных видов деятельности. Более того, раскрытие преступлений полностью исключено из отраслевого уголовно-процессуального регулирования, хотя оперативно-розыскные органы, как и органы предварительного расследования, во-первых, наделены полномочиями по установлению обстоятельств противоправных деяний и причастных к ним лиц (ст. 2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»), во-вторых, признаются ст. 40 УПК РФ в качестве органов дознания, т. е. участников уголовного судопроизводства.

Не имеет завершенности и правовая регламентация деятельности по расследованию преступлений, как в части содержания и целей деятельности органов расследования, так и относительно видов и полномочий органов, осуществляющих расследование. Еще сложнее ситуация с функцией уголовного преследования, возложенной Конституцией РФ на органы прокуратуры (ст. 129 Конституции РФ), но осуществляемой в соответствии с УПК РФ не только прокурором, но и органами предварительного расследования и другими участниками, действующими со стороны обвинения. При этом, какими полномочиями по уголовному преследованию наделяется каждый из них и насколько указания прокурора в рамках рассматриваемой функции обязательны для остальных участников, УПК РФ не разъясняет, как и не дает однозначного определения уголовного преследования.

Учитывая, что должностными лицами, осуществляющими в досудебном производстве государственно-властные правоохранительные функции раскрытия преступлений, расследования преступлений и уголовного преследования, являются прокурор, органы предварительного следствия и органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (ОРД) в статусе органа дознания, а функции участника процесса первичны по

отношению к его процессуальному положению [14], сложившаяся ситуация рассогласованности правоохранительной направленности деятельности с процессуальными полномочиями государственного должностного лица порождает двусмысленность в их отношениях с другими участниками и в целом отражается на легитимности уголовного судопроизводства.

Рассмотрим в качестве примера вопрос, активно обсуждаемый в уголовно-процессуальной науке, – отнесение следователя, дознавателя к участникам стороны обвинения, что обуславливает цель их деятельности – обвинение лица, совершившего преступление. Признать данное утверждение верным не позволяет то, что помимо обвинительных форм окончания предварительного расследования закон допускает и другие, в том числе завершающиеся прекращением уголовного дела (преследования) по реабилитирующим основаниям, которые также являются законным результатом их деятельности. Соответственно, определяя цель органа расследования в рамках уголовно-процессуальной функции расследования преступлений, следует ориентироваться на то, чем должна завершаться его деятельность и что является обязательным для любых форм окончания предварительного расследования.

Учитывая, что предмет деятельности органа расследования составляют обстоятельства совершенного преступления, устанавливаемые им в процессе доказывания, в качестве цели деятельности следователя, дознавателя следует рассматривать не ту или иную форму окончания расследования (обвинение или прекращение преследования), а то, что предшествует принятию процессуального решения, – формирование доказательственной базы, достаточной для установления обстоятельств совершенного деяния и их правовой квалификации. Такой вывод следует в том числе из положений УПК РФ, обязывающих следователя произвести необходимые следственные действия и сформировать доказательственную базу, достаточную для принятия процессуального решения об окончании расследования. Следует отметить, что на формирование доказательств как цели расследования указывали и другие ученые [18].

Сказанное однозначно свидетельствует об ошибочности отнесения следователя и дознавателя к участникам стороны обвинения. Объясняя позицию законодателя, С.Б. Россинский отмечает, что обвинительный уклон в деятельности органов расследования возник с формированием советской системы уголовного судопроизводства, в то время как до 1917 г. решения о выдвижении официального обвинения и завершении досудебного производства с дальнейшим преданием обвиняемого суду фиксировались в едином процессуальном документе – обвинительном акте, а полномочиями по его составлению наделялась прокуратура [19]. Исправление допущенной ошибки не только позволит устранить противоречия в уголовно-процессуальном статусе органа расследования, но и восстановит статус прокурора как государственного обвинителя, предоставив ему полномочия по формированию и утверждению государственного обвинения в досудебном производстве.

Сегодня органы прокуратуры согласно Конституции РФ (ст. 129) являются единственным органом уголовного преследования, но, к сожалению, роль прокурора в осуществлении данной функции в досудебном

² Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с. С. 98.

производстве остается вне правового регулирования. Передача прокурору полномочий по составлению обвинительного заключения (акта, постановления) на основе материалов завершеного предварительного расследования решит ряд проблем, существующих многие десятилетия: исключит двойственность в правовых статусах должностных лиц, участвующих в досудебном производстве; устранил дублирование процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого [20], при условии что статус обвиняемого лицо приобретает при утверждении прокурором обвинения; придаст исходящему от органа расследования «предварительному» обвинению характер государственного обвинения, выдвигаемого прокурором от имени Российской Федерации; и, конечно, вызовет реструктуризацию досудебного производства в части обособления отдельной стадии, в рамках которой прокурор формирует государственное обвинение и выдвигает (предъявляет) его лицам, чья виновность подтверждается достаточной совокупностью имеющихся доказательств.

Исключение органов расследования из круга субъектов, осуществляющих уголовное преследование, не препятствует следователю, дознавателю в ходе предварительного расследования принять решение о придании лицу статуса подозреваемого при наличии соответствующих оснований, указывающих на его причастность к совершенному деянию, либо решать вопросы о применении меры пресечения или других мер процессуального принуждения, учитывая, что принудительные меры применяются не в целях изобличения, наказания или наступления иных неблагоприятных последствий для участников судопроизводства, а в целях обеспечения надлежащего поведения участников судопроизводства при производстве по уголовному делу и при наличии оснований полагать, что они могут нарушать либо уже нарушили установленный законом порядок.

Правовая модель реализации уголовно-процессуальных функций в досудебном производстве

Проведенный анализ правоохранительных видов уголовно-процессуальной деятельности позволяет построить оптимальную модель досудебного производства, содержание которой обусловлено осуществляемыми функциями: 1) функцией раскрытия и расследования преступлений; 2) функцией уголовного преследования.

1. Функция раскрытия и расследования преступлений. Обнаружение признаков деяния, запрещенного уголовным законом, является основанием для начала правоохранительной государственно-властной деятельности. Получение информации о совершении преступления первоначально ставит задачу раскрыть преступление по «горячим следам», т. е. выяснить обстоятельства совершения деяния и установить причастных лиц. При этом установить причастных лиц необходимо в кратчайшие сроки, особенно когда речь идет о деяниях, имеющих явный общественно опасный характер. Для этих целей создаются органы, осуществляющие государственную функцию по раскрытию преступлений, цель которых – оперативно установить обстоятельства совершенного деяния и выявить лиц, их совершивших. Очевидно, что своевременное, полное и достоверное получение информации об обстоятельствах совершенного деяния имеет решающее значение, так как позво-

ляет в максимально короткие сроки принять меры для пресечения совершаемых и предотвращения последующих преступных действий. Именно такой смысл вкладывает законодатель в термин «раскрытие преступлений», возлагая эту функцию на органы, осуществляющие ОРД, которые одновременно наделяются полномочиями органа дознания (ч. 1 ст. 40 УПК РФ). Учитывая, что ОРД по возбужденным уголовным делам осуществляется одновременно с предварительным расследованием и под процессуальным руководством органа расследования, а результаты ОРД могут использоваться в процессе доказывания, если «отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам» (ст. 89 УПК РФ), полагаем целесообразным раскрытие и расследование преступлений объединить и рассматривать в рамках одной уголовно-процессуальной функции раскрытия и расследования преступлений с установлением руководящей роли органа расследования.

Доминирующая роль органа расследования обусловлена следующим. Когда преступление раскрыто, т. е. установлены лица и обстоятельства его совершения, то следующим логическим шагом является применение к нарушителям мер юридической ответственности. В правовых государствах, которым является и Российская Федерация, применение уголовной ответственности – прерогатива судебной власти: обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет установлена вступившим в силу приговором суда (ст. 48 Конституции РФ). Обозначенный Конституцией РФ принцип презумпции невиновности обуславливает необходимость появления следующей уголовно-процессуальной функции – функции предварительного расследования, содержание которой хотя и связано с установлением обстоятельств совершенного преступления, но, в отличие от раскрытия преступления, достигается в иной форме, а именно посредством формирования доказательственной базы, достаточной для установления предмета доказывания. В этом принципиальное отличие раскрытия преступлений от расследования преступлений и в этом же их предметное единство, обуславливающее необходимость взаимодействия оперативно-розыскных органов и органов расследования при руководящей роли последних в достижении целей досудебного производства по уголовному делу.

Очевидно, что органы расследования без оперативного сопровождения не смогут сформировать доказательственную базу, достаточную для всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств совершенного деяния. Данный факт был понятен юристам советского периода, отмечавшим, что «функция исследования обстоятельств дела включает в себя как составную часть полное раскрытие преступления» [14, с. 12], но отрицается действующим УПК РФ, устанавливающим границы между так называемой «непроцессуальной» и процессуальной деятельностью. Такой подход непонятен, тем более что отдельные оперативно-розыскные мероприятия получили уголовно-процессуальную «прописку», например, прослушивание телефонных переговоров трансформировалось в следственное действие «контроль и запись переговоров» (ст. 186 УПК РФ), снятие информации с технических каналов связи – в следственное действие «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» (ст. 186.1 УПК РФ) и т. д.

2. Функция уголовного преследования. Завершив раскрытие и расследование преступления и сформировав достаточную совокупность доказательств для юридической квалификации содеянного, можно обозначить судебные перспективы уголовного дела и целесообразность уголовного преследования. Полагаем, что по последовательности осуществления уголовно-процессуальных функций уголовное преследование не может начаться ранее, чем собрана достаточная совокупность доказательств, подтверждающая преступность деяния. Аналогичного мнения придерживались юристы в XIX в., указывая, что необходимо возбуждать уголовное преследование во всех случаях, где есть состав наказуемого деяния³. Соответственно, если при окончании предварительного расследования собраны доказательства, на основании которых можно сделать вывод о наличии состава преступления и виновности лица, то следователь, дознаватель завершают расследование и передают материалы уголовного дела прокурору как должностному лицу, на которого Конституцией РФ возложена функция уголовного преследования.

Прокурор, получив результаты расследования и установив наличие состава преступления, принимает решение о начале уголовного преследования. Наличие состава преступления – важный юридический факт, установление которого инициирует следующую уголовно-процессуальную функцию – уголовное преследование. Если допустить наличие состава преступления и, как следствие, начало уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела либо на ранних этапах предварительного расследования, когда отсутствует достаточная совокупность доказательств, то вряд ли можно гарантировать, что начатое таким образом уголовное преследование дойдет до своего логического завершения – применения мер уголовной ответственности. В связи с этим допускаемое действующим УПК РФ отождествление уголовного дела и уголовного преследования вряд ли является верным: возбуждение уголовного дела свидетельствует о начале государственно-властной деятельности по установлению обстоятельств совершенного деяния, запрещенного уголовным законом, а уголовное преследование начинается тогда, когда достоверно установлен состав преступления.

Конечно, потребуются законодательная дефиниция уголовного преследования как самостоятельной уголовно-процессуальной функции прокурора, содержание которой составляют полномочия по формированию обвинения, его выдвижению (предъявлению) виновным лицам и поддержанию в судебном разбирательстве. Соответственно этому выстраиваются этапы осуществления уголовного преследования: 1) в досудебном производстве – формирование государственного обвинения и его предъявление или выдвижение, 2) в судебном производстве – поддержание государственного обвинения.

Правовая регламентация осуществляемого прокурором государственного обвинения необходима. Как это ни парадоксально, но в действующем УПК РФ таких

положений нет. Традиционно считается, что все происходящее в досудебном производстве имеет предварительный характер, в том числе утверждения об обвинении лица. Аналогично оценивается итоговый акт расследования – обвинительное заключение (акт, постановление), который хотя и утверждается прокурором, но также имеет предварительное значение. О государственном обвинении речь идет только в ч. 3 ст. 37 и ч. 4 ст. 246 УПК РФ, возлагающих на прокурора (прокуроров) полномочия по поддержанию государственного обвинения; в остальных положениях закона термин «государственный» применительно к обвинению отсутствует. Даже в судебном следствии подсудимому выдвигается не государственное обвинение, как это должно быть, а обвинение (ч. 1 ст. 273 УПК РФ). Полагаем, это существенное упущение законодателя, требующее скорейшего устранения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Установленный УПК РФ порядок уголовного судопроизводства с точки зрения эффективной организации государственно-властной деятельности уполномоченных субъектов нельзя признать удачным. Основная проблема заключается в том, что уголовно-процессуальные функции правоохранительной направленности, осуществляемые должностными лицами, ведущими производство по уголовному делу в досудебной части уголовного процесса, не нашли своего закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве, что привело к нарушению взаимосвязей, существующих между должностными лицами, представляющими государство в уголовном процессе, и интересами государства в правоохранительной сфере.

Решение проблемы мы видим в законодательном переструктурировании досудебного производства посредством выделения под каждую правоохранительную уголовно-процессуальную функцию отдельной стадии, в границах которой государственно-властное должностное лицо реализует полномочия, предоставленные ему для достижения функциональной цели:

1) на первой стадии досудебного производства орган расследования совместно с органами ОРД осуществляет уголовно-процессуальную функцию раскрытия и расследования преступления;

2) на второй стадии досудебного производства прокурор осуществляет уголовно-процессуальную функцию уголовного преследования.

Первая уголовно-процессуальная функция, содержание которой составляют раскрытие и расследование преступлений, в системе уголовного процесса должна составлять содержание начальной процессуальной стадии – стадии предварительного расследования. Функция уголовного преследования, осуществляемая прокурором в рамках следующей досудебной стадии, обеспечивает формирование государственного обвинения и начало уголовного преследования. В судебных стадиях функция уголовного преследования переходит в иной режим реализации, где обвинительная деятельность государства осуществляется на условиях состязательности и равноправия со стороны защиты, и, соответственно, статус прокурора-обвинителя получает иное правовое оформление.

³ Тальберг Д.Г. *Русское уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. Т. 2. Вып. 1. К.: т-во печ. дела и торг. И.Н. Кушнерев и К^о в Москве, Киев. отд-ние, 1891. 214 с.*
URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003923376?page=43&rotate=0&theme=white>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2021. № 6. С. 31–37. EDN: [VFFIUUV](#).
2. Хроменков И.Р., Качалова О.В. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства. М.: Проспект, 2023. 176 с. EDN: [PKWGPL](#).
3. Россинский С.Б. Генезис доктринальных, нормативно-правовых и практических подходов к форме и содержанию обвинительного заключения // *Труды Академии Управления МВД России*. 2024. № 2. С. 24–32. DOI: [10.24412/2072-9391-2024-270-24-32](#).
4. Демидов И.Ф. Реструктуризация уголовного судопроизводства (концепция как гипотеза) // *Государство и право*. 2012. № 1. С. 33–44. EDN: [ORHGAZ](#).
5. Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 2023. 528 с. EDN: [IXDWLG](#).
6. Долгий М.О. Правоохранительная функция в системе функций правового государства: исторический аспект конституционных изменений // *Вестник Московского университета МВД России*. 2022. № 5. С. 113–117. DOI: [10.24412/2073-0454-2022-5-113-117](#).
7. Пожарский Д.В., Радко Т.Н. Функции государства: пределы цифровых технологий // *Труды Академии управления МВД России*. 2022. № 2. С. 17–24. DOI: [10.24412/2072-9391-2022-262-17-24](#).
8. Бастрыкин А.И. Лекция: Из истории зарождения, развития и деятельности следственных органов России на современном этапе // *Юридическая мысль*. 2021. № 2. С. 115–140. EDN: [PQUXUP](#).
9. Гаврилов Б.Я. К вопросу о роли законодательства уголовно-правового комплекса в борьбе с преступностью: современное состояние и перспективы совершенствования // *Публичное и частное право*. 2024. № 2. С. 49–63. EDN: [CTQNY5](#).
10. Лазарева В.А. Уголовный процесс ≠ Уголовное судопроизводство // *Юридический вестник Самарского университета*. 2023. Т. 9. № 3. С. 11–17. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-3-11-17](#).
11. Манова Н.С. Модель деятельности прокурора в уголовном процессе: ключевые проблемы и возможности реформы // *Правовая парадигма*. 2022. Т. 21. № 2. С. 43–50. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2022.2.6](#).
12. Балакшин В.С. Еще три аргумента в пользу принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2017. № 3. С. 3–7. EDN: [ZJSPSJ](#).
13. Евдокимов П.П. Философские основы учения об уголовно-процессуальных функциях // *Вести Удмуртского университета*. 1994. № 1. С. 88–93.
14. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 1981. 192 с.
15. Якуб М.Л. О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве // *Правоведение*. 1973. № 5. С. 83–89.
16. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М.: Юридическая литература, 1986. 159 с.
17. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л.: Ленинградский университет, 1976. 142 с.
18. Чабукиани О.А. Признание самостоятельности следственной деятельности – способ достижения состязательности // *Уголовное судопроизводство*. 2023. № 4. С. 26–31. DOI: [10.18572/2072-4411-2023-4-26-31](#).
19. Россинский С.Б. Причины превращения обвинительного заключения в «автореферат» следственного производства // *Всероссийский криминологический журнал*. 2024. Т. 18. № 2. С. 191–199. EDN: [TWIXUM](#).
20. Гаврилов Б.Я. Подозреваемый, обвиняемый – возможно ли поставить знак равенства в современном досудебном производстве? // *Уголовное судопроизводство*. 2024. № 1. С. 13–17. DOI: [10.18572/2072-4411-2024-2-13-17](#).

REFERENCES

1. Davletov A.A., Azarenok N.V. The balance of public and private interests as a fundamental factor in the formation of the modern Russian criminal process. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2021, no. 6, pp. 31–37. EDN: [VFFIUUV](#).
2. Khromenkov I.R., Kachalova O.V. *Obespechenie sudom pravovykh interesov v dosudebnykh stadiyakh rossiyskogo ugolovno sudoproizvodstva* [Ensuring legal interests by the court in the pre-trial stages of Russian criminal proceedings]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 176 p. EDN: [PKWGPL](#).
3. Rossinskiy S.B. The genesis of doctrinal, regulatory and practical approaches to the form and content of the indictment. *Trudy Akademii Upravleniya MVD Rossii*, 2024, no. 2, pp. 24–32. DOI: [10.24412/2072-9391-2024-270-24-32](#).
4. Demidov I.F. Restructuring of the criminal proceedings (as a hypothesis). *Gosudarstvo i pravo*, 2012, no. 1, pp. 33–44. EDN: [ORHGAZ](#).
5. Davletov A.A., Azarenok N.V. *Ugolovnyy protsess Rossii: istoricheskie korni, sovremennoe sostoyanie, perspektivy evolyutsionnogo razvitiya* [Criminal procedure in Russia: historical background, current state, development perspectives]. Ekaterinburg, Uralskiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet im. V.F. Yakovleva Publ., 2023. 528 p. EDN: [IXDWLG](#).
6. Dolgiy M.O. Law enforcement function in the system of functions of the rule of law: the historical aspect of constitutional changes. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2022, no. 5, pp. 113–117. DOI: [10.24412/2073-0454-2022-5-113-117](#).
7. Pozharskiy D.V., Radko T.N. Functions of the state: limits of digital technologies. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 2022, no. 2, pp. 17–24. DOI: [10.24412/2072-9391-2022-262-17-24](#).

8. Bastrykin A.I. From the history of origin, development and activity investigative bodies of Russia at the present stage: lecture. *Yuridicheskaya mysl*, 2021, no. 2, pp. 115–140. EDN: [PQUXUP](#).
9. Gavrilov B.Ya. Criminal and procedural aspects of countering crime in modern conditions: myths of the legislator and realities of law enforcement. *Publichnoe i chastnoe pravo*, 2024, no. 2, pp. 49–63. EDN: [CTQNY5](#).
10. Lazareva V.A. Criminal procedure ≠ criminal justice. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta*, 2023, vol. 9, no. 3, pp. 11–17. DOI: [10.18287/2542-047X-2023-9-3-11-17](#).
11. Manova N.S. The model of the prosecutor's activities in criminal proceedings: key challenges and opportunities for reform. *Legal Concept*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 43–50. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2022.2.6](#).
12. Balakshin V.S. Three more arguments in favor of adopting a new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2017, no. 3, pp. 3–7. EDN: [ZJSPSJ](#).
13. Evdokimov P.P. Philosophical basis of the doctrine of criminal procedural functions. *Vesti Udmurtskogo universiteta*, 1994, no. 1, pp. 88–93.
14. Gulyaev A.P. *Sledovatel v уголовном protsesse* [Investigator in criminal procedure]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1981. 192 p.
15. Yakub M.L. On the concept of procedural function in Soviet criminal proceedings. *Pravovedenie*, 1973, no. 5, pp. 83–89.
16. Larin A.M. *Rassledovanie po уголовному delu: protsessualnye funktsii* [Criminal investigation: procedural functions]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1986. 159 p.
17. Elkind P.S. *Tseli i sredstva ikh dostizheniya v sovetskom уголовno-protsessualnom prave* [Goals and means towards them in Soviet criminal procedure law]. Leningrad, Leningradskiy universitet Publ., 1976. 142 p.
18. Chabukiani O.A. Recognizing the autonomy of investigative activities as a way to achieve adversariality. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2023, no. 4, pp. 26–31. DOI: [10.18572/2072-4411-2023-4-26-31](#).
19. Rossinskiy S.B. Reasons for turning the closing indictment into an “abstract” of investigative proceedings. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 191–199. EDN: [TWIXUM](#).
20. Gavrilov B.Ya. Is a suspect equal to a convict in the contemporary pre-trial proceedings? *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2024, no. 1, pp. 13–17. DOI: [10.18572/2072-4411-2024-2-13-17](#).

On the implementation of the law enforcement function of the state in criminal procedure

Svetlana I. Vershinina, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Director of the Institute of Law Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: svetlana-vershinina@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3501-3632>

Received 24.01.2025

Revised 25.02.2025

Accepted 27.02.2025

Abstract: The paper presents the author's vision of the organization of balanced pre-trial proceedings based on the functional delineation of the activities of state authorities ensuring the fulfillment of public-law duties of the state in criminal procedure. Analyzing the activities of bodies implementing criminal intelligence activities, preliminary investigation bodies and the prosecutor in pre-trial proceedings, the author judges from the focus of their activities on ensuring the interests of the state in the fight against crime using various forms of state-authority activities – solving crimes, investigating crimes and prosecuting guilty persons. The interaction of state bodies when solving and investigating crimes and their general focus on identifying the facts and circumstances of the committed act allowed evaluating critically the current norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which exclude criminal intelligence activities and their results from the subject of criminal procedural regulation, and substantiating the conclusion on the advisability of combining these types of activities in one criminal procedural function – the function of solution and investigation. The absence of legal regulation of the prosecutor's activities in carrying out criminal prosecution in pre-trial proceedings and the absence of legal norms regulating the procedure for forming and bringing state charges allowed substantiating the conclusion about the need for functional separation of criminal prosecution as an independent area of activity – the criminal prosecution function. Based on the obtained results, the author proposed a legal model for the implementation of law-enforcement criminal procedural functions in pre-trial proceedings, including: 1) the function of solving and investigating crimes combining two types of state-authority activities – solving crimes by bodies performing criminal intelligence activities and investigating crimes by preliminary investigation bodies, with the latter playing the leading role; 2) the function of criminal prosecution carried out by the prosecutor through the formation and bringing of state charges and the subsequent initiation of judicial proceedings in a criminal case. Based on the presented classification of law enforcement functions of criminal procedural activities, the author concluded about the need for legislative restructuring of the pre-trial part of the criminal procedure.

Keywords: law enforcement function of the state; law-enforcement criminal procedural functions; criminal intelligence activities; non-procedural activities; procedural activities; solution and investigation of crimes; investigation of crimes; criminal prosecution.

For citation: Vershinina S.I. On the implementation of the law enforcement function of the state in criminal procedure. *Jus strictum*, 2025, no. 1, pp. 7–13. DOI: [10.18323/3034-2945-2025-1-60-1](#).